

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>

**Имплементированные правовые конструкции
в конституционном праве России как фактор усиления
юридической анонии**

**Липинский Дмитрий Анатольевич¹, Малько Александр Васильевич²,
Иванов Александр Александрович³, Маркунин Роман Сергеевич⁴**

^{1, 2, 3, 4}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

³ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

⁴markunin88@yahoo.com

Аннотация. Рассматривается проблема юридической анонии через призму формирования текста Основного закона Российской Федерации. Отмечено, что Конституция Российской Федерации была подготовлена в соответствии с классическими западными образцами, однако существующая в российском государстве общественно-политическая ситуация не была учтена должным образом. Многие положения принятой Конституции Российской Федерации имели декларативный характер, не отвечали фактически сложившемуся состоянию социальных отношений с учетом их исторического развития, в связи с чем многие требования Основного закона могли бы быть выполнены только в будущем. Установление конституционных норм в условиях отсутствия в Российской Федерации сложившегося действенного механизма их обеспечения с неизбежностью привело к усилению уже существующего в обществе состояния юридической анонии.

Ключевые слова: имплементация, иностранное законодательство, конституционное право, правовые конструкции, юридическая анония

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Для цитирования: Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Имплементированные правовые конструкции в конституционном праве России как фактор усиления юридической анонии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 71–85. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>.

Original article

**Implemented legal constructions in the Constitutional law of Russia
as a factor of strengthening legal anomie**

Dmitry A. Lipinsky¹, Alexander V. Malko², Alexander A. Ivanov³, Roman S. Markunin⁴

^{1, 2, 3, 4}Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

³ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

⁴markunin88@yahoo.com

Abstract. The problem of legal anomie is considered through the prism of the formation of the text of the Basic Law of the Russian Federation. It is noted that the Constitution of the Russian Federation was prepared in accordance with classical Western models, but the existing socio-political situation in the Russian state was not properly taken into account. Many provisions of the adopted Constitution of the Russian Federation were of a declarative nature and did not correspond to the actual state of social relations, taking into account their historical development.

© Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С., 2023

In this connection, many of the requirements of the Basic Law could only be fulfilled in the future. The establishment of constitutional norms in the absence in the Russian Federation of an established effective mechanism for ensuring them inevitably led to the strengthening of the already existing state of legal anomie in society.

Keywords: implementation, foreign legislation, constitutional law, legal constructions, legal anomie

Funding: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

For citation: Lipinsky D. A., Malko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S. Implemented legal constructions in the Constitutional law of Russia as a factor of strengthening legal anomie. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 71–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>.

Действующая в России в настоящий момент Конституция может рассматриваться как веха в процессе модернизации, рационализации и европеизации существующего права. Речь идет о том, что в 1993 году государство (правящая элита) выразило стремление преобразовать традиционно сложившиеся устои посредством «реформ сверху». Дилемма, однако, заключается в том, что крупная социально-политическая реформа не может быть успешно проведена посредством тех политических институтов, которые опираются на традиционные носители власти, как это во многом произошло в российском государстве начала 1990-х годов. При этом политики не могут быть выведены из системы государственного управления без радикальных изменений социального строя, носящих революционный характер [1, с. 6].

Перед властью стоял выбор между разрешением социальных или политических противоречий в жизни общества, приоритет был отдан противоречиям политическим. К сожалению, этот подход с неизбежностью породил непреодолимое в условиях действия принятой Конституции состояние юридической аномии — разнообразные нарушения в ценностно-нормативной системе российского общества, возникшие в результате соответствующей конституционализации. Термин «конституционализация» характеризует влияние Конституции на все сферы общественной жизни [2]. Объектом конституционных отношений является власть, и они носят политический, идеологический, мировоззренческий и даже духовный характер [3].

Если говорить о действующей Конституции Российской Федерации, то она явилась плодом коллективного труда. Первоначально ее проект разрабатывался конституционной комиссией, позже существующие наработки были учтены аппаратом Президента Российской Федерации. Проблемы Конституции можно видеть в общем подходе к организации публичной власти, в

частности, закрепляя принцип разделения властей, она ничего не говорит о президентской власти, хотя полномочия Президента в России весьма велики.

В статье 15 Конституции Российской Федерации закреплено ее прямое действие, однако осуществить это в российских реалиях не всегда возможно. Скорее, речь идет не о прямом действии норм Конституции, а о реализации идей, из них проистекающих. Речь, следовательно, идет о соответствующей интерпретации указанных положений.

Критика принятой Конституции Российской Федерации как имеющей ряд пробелов не обязательно состоятельна в особенности, если придерживаться позиции, в соответствии с которой проблема пробелов в принципе не может возникать в тех ситуациях, когда акт был предназначен для основополагающего и общеустановочного регулирования. В отличие от пробелов, дефекты конституции рождаются не как последствия оплошности или недосмотра, но при осознанном выборе варианта регулирования, недостатки которого видны сразу или несколько позже. Возникают дефекты и в связи с увлечением прекраснотворными конституционно-правовыми проектами, которые не могут быть применимы на отечественной почве, поскольку одно с другим несовместимо. Дефект может быть связан и с сознательным отказом от конституционно-правового регулирования какого-либо вопроса, в частности в Конституции Российской Федерации отсутствует указание на возможность правотворческой инициативы граждан, что противоречит как ее преамбуле, так и статье 3 Основного закона [4].

Действующая редакция Конституции Российской Федерации обычно критикуется как имеющая не пробельный, а именно дефектный характер. К недостаткам ее принятия можно отнести то, что прошел достаточно короткий срок — лишь 15 лет — с момента утверждения

предшествующей Конституции РСФСР. Несмотря на многочисленные изменения, внесенные в Основной закон 1978 года, которые исказили его систему и сущность, возможно, что более правильным с точки зрения практики конституционного строительства было бы все же выждать определенное время, чтобы в стране успели сформироваться соответствующие общественные отношения. В реальности в государстве отсутствовали социальные силы, которые могли бы составить широкую социальную базу, в интересах которой была бы разработана и принята новая конституция. Основной закон изначально формировался как конституция капиталистического государства, однако класс предпринимателей, как таковой, в 1993 году еще отсутствовал. В связи с этим многие положения принятого Закона изначально носили декларативный характер, способствующий возникновению юридической аномии в российском обществе.

**Зарубежное влияние на формирование
положений Конституции
Российской Федерации 1993 года
как признак юридической аномии**

Приступая к исследованию возможного зарубежного влияния при принятии Конституции Российской Федерации 1993 года, необходимо будет говорить о взаимодействии и взаимоискусствовании различных правовых систем. В качестве предварительного условия необходимо отметить богатое историческое и культурное разнообразие форм права и источников, существующих в мире [5]. В зарубежной литературе отмечается, что правовая культура находится вне рамок эмпирического исследования. Такой подход согласуется с теорией правового плюрализма и проецирует право на более широкое поле культурных проблем [6].

Имплементация положений международно- или зарубежного права в законодательство конкретной страны может быть обусловлена в первую очередь стремлением «приобщиться» к достижениям иной правовой системы, уровень которой воспринимается авторами проектов имплементации как более высокий (субъективные причины). Кроме того, необходимость имплементации может быть обусловлена также и стремлением соответствующего государства войти в определенную международную организацию или заключить выгодные межгосударственные соглашения. Это бывает в тех случаях, когда приведение национального законодательства в соответствие с конкретными нормативными

положениями было объявлено в качестве обязательного условия межгосударственного взаимодействия (объективные причины).

Отметим, что учет зарубежных образцов конституционного строительства при подготовке проекта Конституции Российской Федерации 1993 года мог быть определен, прежде всего, восприятием условного Запада как более прогрессивного социально-экономического образования и стремлением подражать ему посредством осуществления «европеизации» российского государства. Наблюдалось также и реформирование, направленное на организацию желаемого международного сотрудничества. В частности, к имеющим конституционный характер решениям, направленным на активизацию взаимодействия с международными организациями, можно отнести введение моратория на смертную казнь, что являлось обязательным условием для вхождения в Совет Европы. Если, например, обратиться к опыту Турции — государства, дающего наиболее яркий пример подобной практики, выделяется целый ряд крупных конституционных изменений, которые оно пережило с 1950 года. Конституционные изменения были ускорены в связи с процессом демократизации 1990-х годов, обозначенным в качестве предварительного условия для членства в ЕС [7].

В постсоветский период подобный опыт получили все бывшие союзные республики — с обретением суверенитета и переходом к новым общественным отношениям правовая политика государств СНГ характеризовалась принятием Основного закона — новой Конституции, государственных стратегических программ развития внутренней и внешней политики, значительного массива нормативных правовых актов как комплекса политико-правовых средств с целью преобразования общества и осуществления поэтапных законодательных реформ. В условиях суверенитета решались задачи реформирования правовой системы с учетом новых потребностей [8].

Соответствующие исследования правового и гражданского сознания, восприятие идеи верховенства закона, обусловленное историческим развитием и психологическими аспектами индивидуального и общественного правосознания, проводятся также и в постсоциалистических странах Восточной Европы, таких, например, как Венгрия [9] или Румыния, опыт которой показывает, что трансплантация международных моделей конституционных институтов временами была довольно противоречивой. Это

касалось многих новых положений конституционного права. В качестве примера можно назвать институт уполномоченного по правам человека (омбудсмена), значение и роль которого в странах восточной Европы не всегда соответствует традиционным западным практикам [10].

Говорится в зарубежных исследованиях также и о значительных изменениях политических и правовых систем в немецкоговорящих регионах. Данные процессы были детерминированы попыткой объединить политические и конституционные культуры и экономики двух частей Германии, образовавших единое государство поколение назад, но до сих пор остающихся разными по своей сути [11].

Не будет правильным связывать все изменения в конституционном регулировании общественных отношений в России именно с Конституцией Российской Федерации 1993 года, поскольку в период с 27 октября 1989 года по 10 декабря 1992 года наша страна уже пережила восемь конституционных реформ, в рамках которых изменения вносились в Конституцию РСФСР 1978 года. Реформирование Конституции включало исключение из ее текста упоминания о государстве как общенародном и социалистическом, отказ от руководящей роли коммунистической партии, закрепление многообразия форм собственности. В Конституцию 21 апреля 1992 года была добавлена глава о правах и свободах человека, основанная на положениях Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года. 27 октября 1989 года в ней появились предпосылки образования двухпалатного парламента, 15 декабря 1990 года — Конституционного Суда Российской Федерации, 21 мая 1991 года — института местного самоуправления в России, 24 мая 1991 года — поста Президента Российской Федерации [12].

Принятие действующей Конституции Российской Федерации было определено в значительной степени Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [13], который нарушал действующую в момент его принятия Конституцию, то есть разработка этого акта характеризовалась высокой степенью юридической аномии. В частности, предполагалось прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, закреплялось положение, что Конституция

Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей этому Указу.

В условиях социально-политических изменений, через которые проходило российское государство, соответствующая правовая, в том числе, конституционная культура менялась, демонстрируя механизмы своей адаптации в ответ на изменение профессиональной идентичности представителей юридической профессии [14], логичным образом делались попытки найти новые правовые идеалы взамен утраченных за рубежом.

В принципе, уже в рассматриваемый период действующая Конституция содержала много заимствованных терминов, преимущественно латинского происхождения. В качестве примера такой терминологии можно указать на «многонациональный народ» (от лат. *natio* — «народ»), «президент» (от лат. *praesidens* — «председательствующий»), «прокуратура» (от лат. *procurare* — «надзирать»), «сенатор» (от лат. *senatus* — «орган верховной власти в древнем Риме»), федерация (от лат. *foederatio* — «союз» [15]) и т. д.

Однако данные термины могли рассматриваться уже в качестве традиционных для российского правового порядка, их использование не вызывало никаких вопросов у правоприменителя и общества. Иным образом необходимо оценивать включение в Конституцию Российской Федерации правовых конструкций и институтов, ранее в российском законодательстве не использующихся.

Что касается использования западной юридической литературы, а следовательно, и терминологии, то это практиковалось с самого начала становления юридического образования в России. Впервые такая практика закрепились еще в Славяно-греко-римской академии в XVIII веке [16]. В современных исследованиях отдельным образом исследуется лингвокультура, выражающая языковые и культурные различия, встречающиеся в каждом языке права. Их сохранение в переводном тексте требует хорошего знания юриспруденции и глубокого сравнительного анализа [17]. Сам юридический перевод — сложная задача, в рамках выполнения которой системно связанные юридические концепции / понятия, глубоко укоренившиеся в языке, истории и общественной эволюции одной страны, трансформируются и интегрируются в язык другой страны и, как следствие, меняются с течением времени [18]. Любая правовая

культура изобилует терминами и утверждениями, которые считаются важной частью юридического языка и, следовательно, юриспруденции. Такие юридические термины никогда не могут быть юридически истолкованы, если переводчик полностью не знаком с соответствующей правовой культурой [19]. Это означает, что формальная имплементация иностранных юридических терминов не обязательно будет означать имплементацию правовых смыслов, в них заложенных.

Также следует поддержать мнение, в соответствии с которым конституционная идентичность может быть правдоподобной, если могут быть даны удовлетворительные ответы на вопросы о том, чьей именно идентичностью она выступает, каков ее источник, кто и как может определять ее содержание и какова конституционная функция этой идентичности [20].

Конституционализм, рассматриваемый в качестве сложного политико-правового явления, отражает общие закономерности национального общественно-политического развития. При этом следует различать конституционализм как явление и требования конкретной Конституции, принятой в том или ином государстве. Необходим очень осторожный подход при формировании содержания Основного закона. Такая работа требует учета соответствующих исторических предпосылок и текущих социальных реалий, расстановки политических сил в государстве. Отказ от учета соответствующих условий способен вызвать значительный и имманентный рост состояния юридической аномии, с которым столкнулась Российская Федерация в 1990-е годы.

Некритичная ориентация на западные образцы конституционного строительства в последующем была продолжена, в связи с чем достаточно справедливыми были упреки ряда исследователей, в соответствии с которыми органы государственной власти Российской Федерации не всегда проводят собственно национальную политику. Отмечены попытки продвижения в России различными иностранными государствами и организациями не только своих экономических интересов, но также, что, возможно, выступает более опасным — своей культурной экспансии, своего понимания демократии, прав, свобод и обязанностей человека.

Очень часто, если речь идет о представителях Запада, эти попытки являют собой новое выражение идей европейского и американского превосходства. Некритичное отношение к внешнему воздействию в 1990-е годы нанесло

значительный ущерб российским интересам, порождало социальные, национальные и религиозные конфликты.

С осторожностью следует подходить также и к имплементации положений не только зарубежного, но и международного права, поскольку оно само может в определенной степени рассматриваться как отражение конкретных национальных правовых культур [21], прежде всего западного происхождения.

Дефекты содержания Конституции Российской Федерации 1993 года

Анализ всех конституций советского периода показывает, что олицетворение государства, общества и личности длительное время оставалось как содержанием государственной политики, так и конституционного в целом правового регулирования [22]. В свою очередь, толкование статьи 2 действующей Конституции Российской Федерации допускает говорить о приоритете прав личности над государством, однако подобное их противопоставление является ненужным, более рациональным было бы говорить не о приоритете, а об уважении соответствующего правового статуса.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с содержанием Конституции Российской Федерации 1993 года, выступает вопрос о возможном примате международного права над правом национальным, который проистекает из содержания части 4 статьи 15 Основного закона. Весьма показательным является то, что впервые формула о приоритете норм международного права над внутригосударственным (национальным) правом, изначально продиктованная США как страной-победительницей, была включена в конституции суверенных государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне: Конституцию Италии 1947 года, Конституцию Японии 1947 года, Основной закон ФРГ 1949 года. Постсоветская Россия в 1993 году также закрепила этот принцип в своей правовой системе, что, однако, входит во внутреннее противоречие с частью 1 указанной статьи (высшая юридическая сила Конституции Российской Федерации), а также частью 1 статьи 3 (российский народ как источник власти) [23].

Проект Конституции Российской Федерации прошел экспертизу за рубежом, что подчеркивалось в докладе Президента Российской Федерации о проекте Конституции, опубликованном в «Российской газете» от 10 октября

1993 года, чего, например, в добровольном порядке никогда бы не сделало любое суверенное государство. Сам факт организации этой экспертизы свидетельствует о высоком уровне аномии в высших слоях государственного управления, отсутствии у них правильных представлений о суверенном государстве, «безгосударственность», которая в это время укоренялась в российском обществе.

С другой стороны, некоторыми авторами такой подход рассматривается как часть нормального процесса конституционного строительства в современном мире, отличительной чертой которого выступает рост числа одинаковых положений в конституциях различных государств, которые затрагивают демократические стандарты, права человека и статус международного права в национальной системе права [24, с. 9].

В литературе отмечается, что, несмотря на такие преимущества у норм национального права, как их обеспеченность государственным принуждением, соответствие национальным правовым традициям и социально-экономическим реалиям, полностью организовать механизм защиты прав человека на основании только норм национального права в настоящее время представляется невозможным [25], а права и свободы человека в современных условиях перестали быть внутренним делом государства.

Применение во внутригосударственной сфере норм международного права должно основываться на факте их имплементации — включении в правовую систему соответствующей страны. Механизм имплементации разрабатывается на национальном уровне и включает в свой состав как правовые, так и организационные средства. На первом месте находятся конституционные нормы, принципиальным образом закрепляющие порядок соотношения и взаимодействия норм национального и международного права, а также систему государственных органов, участвующих в соответствующем процессе.

Другие авторы, в свою очередь, отмечают, что наделение международных норм высшей юридической силой позволило укрепить позиции нашего государства на международной арене, расширить ее участие в международных организациях, например, вступив в Совет Европы в 1996 году, во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2012 году, и т. д. При этом, однако, признается, что повышение благосостояния граждан и процветание государства — вот основная задача, которую необходимо учитывать при изменениях национального законодательства.

Для этого необходим правовой суверенитет, то есть независимость при формировании и функционировании правовой системы как составной части государственного суверенитета.

В литературе все предлагаемые способы решения вопроса о том, каким образом будет взаимодействовать внутригосударственное и международное право, склоняются к одной из трех концепций. Монистические концепции исходят из примата какой-либо одной системы права — международного (Г. Кельзен) или внутригосударственного (А. Лассон), но при этом рассматривают данные системы как составные части единой надсистемы права. Дуалистическая концепция (Г. Трипель) рассматривает международное право и внутригосударственное право как самостоятельные равнопорядковые правовые системы, которые тем не менее активно взаимодействуют [26, с. 146]. Взаимодействие внутригосударственного и международного права, например В. С. Хижняк определяет «как согласованное действие двух правовых систем, обусловленное существованием общих для них целей и необходимое для их взаимного развития, а также предполагающее или не исключающее возможности существования у них общих сфер деятельности» [27].

Оправданным выглядит при этом первоначальный процесс согласования норм международного права с нормами национального законодательства. Для установления международного сотрудничества государство и его правовая система в общих значимых чертах должны соответствовать иным участникам этих отношений.

Значительное число научных работ, посвященных проблеме имплементации норм международного права в правовую систему России, связано с анализом судебной практики Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Ссылаясь на статью 27 Венской конвенции о праве международных договоров [28], данный суд отстаивал юридическую позицию, в соответствии с которой участники судопроизводства не вправе ссылаться на нормы своего национального права, пусть даже и конституционного характера. Предполагалось, что при возникновении разногласий с положениями Европейской конвенции по правам человека [29], в том числе в их интерпретации Европейским судом, приоритет будет отдан соответствующим европейским актам.

Исходя из этого, ЕСПЧ посчитал возможным, например, предложить властям Российской Федерации устранить из национальной правовой системы общее автоматическое ограничение избирательных прав, предусмотренное в

отношении всех, кто отбывает наказание в виде лишения свободы [30], которое предусмотрено в статье 32 Конституции Российской Федерации, не подлежащей изменению без принятия новой конституции. Несмотря на это, ЕСПЧ предложил российским властям рассмотреть вопрос: «Достигнуто ли соблюдение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции за счет "некой формы политического процесса или истолкования Конституции России компетентными органами, в первую очередь российским Конституционным Судом, в соответствии с Конвенцией таким образом, который позволит координировать их действия и избежать конфликта между ними"?».

В принятом по данному запросу постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что сосуществование европейского и российского конституционного правопорядков должно осуществляться в условиях не субординации, а диалога [31]. Конституционный Суд Российской Федерации обязал государственные органы в тех случаях, когда в конституционности постановлений ЕСПЧ возникают сомнения (неопределенность), инициировать конституционное судебное разбирательство для решения обозначенного вопроса. Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ предоставил Конституционному Суду Российской Федерации соответствующее полномочие [32].

К числу иного рода проблем, проистекающих из взаимодействия российского государства с ЕСПЧ, можно обозначить расхождение в понимании некоторых прав личности, в особенности касающихся сексуальных меньшинств и межполовых отношений, что можно связать с расхождением в складывающихся культурно-правовых традициях в государствах Европы и в России, в конкретных национальных ценностях.

Следует упомянуть и то обстоятельство, что в России судебные прецеденты в принципе не признаются официально в качестве источника права, непонятно, почему для решений ЕСПЧ должно было бы быть сделано исключение.

Длительная история юридического противостояния Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации завершилась в 2022 году — отныне постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Значимой проблемой выступает то обстоятельство, что в России не существует такого федерального конституционного закона, который

бы регламентировал работу Конституционного Собрания, предусмотренного в статье 135 Основного закона в качестве органа, способного разработать проект новой конституции, что в очередной раз создает коллизию. Нелишним будет вспомнить, что одной из причин конституционного кризиса 1993 года послужило отсутствие в Конституции 1978 года положений, позволяющих урегулировать противоречия между Президентом и Парламентом. Отсутствие соответствующего положения о порядке созыва и функционирования Конституционного Собрания в определенных условиях способно вызвать конституционный и политический кризисы уже в современной России. При этом в отдельных субъектах Российской Федерации в рамках принятия их конституций, орган с таким названием создается. Фактически изменение указанной статьи, входящей в главу 9 Конституции Российской Федерации, невозможно. Федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании, принятие которого предполагалось авторами Основного закона, несмотря на тридцатилетний юбилей его действия, до сих пор не принят. Все указанные обстоятельства дают право признать Конституцию России недоработанной, она содержит ряд дефектных положений, фактическое воплощение которых в жизнь является невозможным.

Представляется необходимым полное использование существующих и создание новых как парламентских, так и общественных механизмов учета российской специфики при имплементации норм международного и зарубежного права в правовую систему России. Это требует одновременного учета культурных, психологических, исторических, идеологических, религиозных, морально-нравственных и иных ценностных ориентаций российского социума, что позволит юридическому сообществу более осмысленно подходить как к имплементации правовых конструкций, так и к «рядовой» правотворческой деятельности. Предполагается также, что изложенные меры окажут благотворное влияние на состояние юридической анонии в обществе.

Попытки компенсировать дефекты Конституции Российской Федерации 1993 года как фактор усиления юридической анонии в российском обществе

Действующая российская Конституция уникальна в том отношении, что она не вписывается в общий ряд конституций современных стран, которые уделяют особое внимание развитию

свободы и демократии, но отличается она и от конституций советского периода, стоящих на позициях классового подхода и отрицающих частную собственность. Попытки усовершенствовать первоначальную редакцию Основного закона в 2020 году привели к его многочисленным изменениям. Так, понятия «публичная власть» или «сенатор», которые использовались ранее в журналистике или в качестве научных терминов в политологии, в настоящее время приобрели конституционный характер. Роль Президента Российской Федерации в соответствии с изменениями 2020 года дополнительным образом была усилена.

Одна из основных проблем конституционализма заключается в том, что основные правила эффективного осуществления государственной власти и защиты индивидуальных прав человека должны быть стабильными и предсказуемыми и не должны подлежать легкой смене. Это важно для легитимности конституционного строя. В то же время даже вполне фундаментальное изменение конституции иногда необходимо для того, чтобы улучшить демократическое управление или приспособиться к политическим, экономическим и социальным преобразованиям [33].

Как это было отмечено в выступлении В. Д. Зорькина, представления о том, что путем радикальной конституционной реформы можно развернуть ход событий в каком-то более правильном направлении — не просто поверхностны и недальновидны, но и опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией. Такие мнения выступают проявлением юридического идеализма. Заложенный в Конституции глубокий смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям [34]. В качестве примера обозначенного подхода можно привести Конституцию США, принятую 17 сентября 1787 года. С немногочисленными поправками данный документ действует до настоящего времени. Будучи весьма кратким и абстрактным документом, Конституция США дает простор для его толкования и изменения — подход, за который ратуют некоторые отечественные конституционалисты и в отношении Конституции Российской Федерации.

Но, рассматривая Основной закон в качестве системы взаимосвязанных норм, указанный подход к его совершенствованию следует признать порочным. В российской практике конституционного реформирования не уделяется надлежащего внимания тому обстоятельству,

как внесенные изменения будут соотноситься с логикой, выраженной в структуре Конституции, с выделением конституционных принципов, обладающих высшей императивностью и позволяющих раскрыть содержание других норм и институтов, зафиксированных в тексте Основного закона [35].

Действующий период эволюции конституционного права Российской Федерации включает два важнейших события — разработку и принятие Конституции Российской Федерации 1993 года и конституционную реформу 2020 года, которая с точки зрения диалектики может рассматриваться в качестве «антитезиса» к первоначальной версии Основного закона.

Критикуя позиции авторов Конституции Российской Федерации 1993 года как характеризующиеся высокой степенью юридической аномии, в их оправдание необходимо указать на то, что возникновение состояния юридической аномии носит не злонамеренный, а обусловленный историческими процессами объективный характер. В определенные моменты истории состояние юридической аномии в период масштабных реформ бывает свойственно не только политикам или обществу, но, в том числе, и представителям юридической профессии. Как тут не вспомнить, например, предложения С. С. Алексеева, который в 1997 году предлагал отход от понятия «законность» в пользу понятия «правозаконность», предполагающего неукоснительное приведение в жизнь не любого и всякого, а только гуманитарного права — неотъемлемых прав и свобод человека [36, с. 132]. Точно так же ведущий отечественный конституционалист С. А. Авакьян в 1997 году по поводу следования зарубежным стандартам конституционного строительства писал: «в качестве отрицательной предпосылки в развитии российской государственности выступает наличие так называемого «двойного стандарта», заключающегося в том, что Российская Федерация имеет право на какое-то особенное развитие государственных институтов, нехарактерное для других стран» [37]. В работе 2010 года этого же ученого уже отмечается, что «свойства конституции как политико-юридического документа предполагают учет фактора глобальной роли социальных институтов как для содержания конституции, так и в качестве предпосылки ее стабильности... субъективистский подход к формированию ее положений будет неизбежным. Принципиальное соответствие Основного закона тем общественным отношениям, которые сложились в государстве, является необходимым для того, чтобы он не приобрел фиктивный характер» [38].

Так, первоначально записанное в Конституции Российской Федерации отделение местного самоуправления от государственной власти призвано было способствовать установлению демократии на местном уровне. Тем самым отечественный законодатель дал, казалось бы, однозначный ответ на спор о месте местного самоуправления в структуре отечественной власти, начало которому было положено еще полтора столетия назад. В результате, однако, данная норма привела к искусственному разрыву системы власти в государстве. При недостатке финансовых, материальных и кадровых ресурсов местное самоуправление осталось наедине со своими многочисленными проблемами. В 2020 году посредством введения в часть 3 статьи 132 указания на вхождение местного самоуправления в единую систему публичной власти данная проблема была формально купирована. Теперь, однако, можно усмотреть фактическое противоречие указанной нормы со статьей 12 Конституции Российской Федерации, закрепляющей самостоятельность местного самоуправления и его невхождение в систему органов государственной власти.

Одной из наиболее дискуссионных проблем Конституции Российской Федерации 1993 года выступает запрет обязательной или государственной идеологии в соответствии с требованиями части 2 статьи 13. Но государство, не имеющее своей идеологии, есть нонсенс, именно идеология рождает единение граждан страны [39, с. 58].

В специальной литературе идеология (от греч. *idea* — «понятия», и *logos* — «учение») понимается как система взглядов и представлений [40, с. 375], идей и понятий [41, с. 204], характеризующих определенное общество, выступающих как основа конкретных действий и решений, которые принимаются в процессе развития данного социума. К основным функциям идеологии относят ориентационную, мобилизационную, интеграционную, коммуникативную [42, с. 101].

Так, М. И. Клеандров пишет, что национальная идея как стержень внятной идеологии нашего общества будет (должна стать) основой, фундаментом, ориентиром всех положений новой Конституции Российской Федерации. Любое общество и государство не могут существовать без сколь-нибудь внятной идеологии, а если такое происходит, то длится недолго. Общество без идеологии — как пустой сосуд, который с неизбежностью будет заполняться какой-либо идеологией [43], не всегда полезной для развития соответствующего социума.

В качестве одного из многих проявлений деструктивной идеологии иностранных государств может быть указано, например, требование включать в руководство акционерных обществ не наиболее профессиональных и опытных субъектов, а лиц нетрадиционной ориентации. Это может выступать в качестве обязательного условия для размещения их акций на бирже [44]. Разрушительное воздействие подобных требований не только для национальной морали, но и для национальной экономики очевидно. При этом в условиях отсутствия четкой национальной идеологии, на которую могут опереться (и сослаться при возникновении спора) российские компании, противостоять неприемлемым с точки зрения общих принципов российского правопорядка предписаниям западных акционеров и бирж им будет сложнее.

То, каким образом правовые акторы оценивают область своей деятельности, находится под сильным влиянием их социальной и политической среды, а также исторически сложившихся доминирующих культурных стереотипов [45]. В литературе отмечается, что господствующая в обществе политическая идеология находит свое выражение, например, в правозащитном поведении судей [46], немаловажное значение она может иметь для определения линии поведения, решений, принимаемых и иными должностными лицами.

Конституционная реформа 2020 года явилась нечто большим, чем просто принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [47].

Данная реформа может рассматриваться как пусть важная, но всего лишь составная часть более обширного изменения отечественного законодательства, в том числе в сфере контрольно-надзорной деятельности, осуществлении стратегического планирования или обеспечения национальной безопасности. Была сделана попытка фактического установления государственной идеологии, пусть даже сам этот термин законодателем и не использовался.

Поэтому именно с попыткой обойти неустранимый дефект части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации, запрещающей устанавливать идеологию в качестве государственной или обязательной, можно связать включение в состав Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой 2 июля

2021 года, раздела, посвященного защите российских «духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Государством было официально заявлено, что в будущем оно будет противостоять угрозе утраты «традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов», что в настоящее время осуществляются нападки на них. Попытка распространения «социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» должна быть пресечена как угроза культурному суверенитету государства. При этом Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества. Опора на такие социальные установки фундаментального характера позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности.

Были названы в тексте Стратегии и конкретные традиционные духовно-нравственные ценности, в число которых вошли патриотизм, служение Отечеству, крепкая семья, созидательный труд, справедливость и т. д. [48].

На органы публичной власти была возложена обязанность руководствоваться положениями Стратегии в своей деятельности.

Считаем, что в указанном документе, а также в развивающем его положения Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» была по факту зафиксирована государственная идеология современного российского государства. Обозначение соответствующих ценностей в качестве «традиционных» позволяет прийти к заключению, что российская официальная идеология носит консервативный характер.

В Основах содержится и легальное определение «традиционных ценностей», под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [49]. В данном определении

термина «традиционные ценности» существует возможность заменить его термином «идеология», и это не повлияет на логичность соответствующей дефиниции.

Возникшее противоречие заключается в том, что в Стратегии национальной безопасности говорится о том, что Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России. При наличии в Основном законе запрета на государственную идеологию с сожалением приходится признать, что желаемое было выдано за действительное.

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в свою очередь, говорится о том, что их нормативную правовую базу, кроме иных нормативных правовых актов, составляет Конституция Российской Федерации.

Считаем, что подобное несоответствие реальности положений, содержащихся в указах Президента Российской Федерации, может лишь усилить состояние юридической аномии в соответствующей сфере общественных отношений. Обозначение государственной идеологии в качестве неких аморфных «ценностей» девальвирует ее содержание, а Указ Президента Российской Федерации — это не тот акт, который должен закреплять определяющие направления развития российского государства.

Можно прийти к выводу, что в российском государстве находят свое проявление определенные попытки движения в естественном направлении государственного строительства. Но с точки зрения конституционного права соответствующие механизмы носят ненадлежащий характер. Несоответствие между поставленными целями и инструментами их достижения способно усилить состояние юридической аномии в российском государстве и обществе.

Любое государство, в котором достаточно длительное время существует конституция, бывает вынуждено вносить в нее изменения и дополнения. Это обусловлено техническим и социальным прогрессом, сопутствующим развитием государственных институтов в сторону повышения их эффективности.

Ситуация, при которой объективная потребность в многочисленных уже внесенных изменениях в главы с третьей по восьмую Основного закона возникла, а главы первую, вторую и девятую менять не требуется, выглядит ущербной с точки зрения банальной логики.

Учитывая системность Конституции Российской Федерации, невозможным представляется и то, чтобы внесенные изменения не вошли в логическое и юридическое противоречие с теми положениями Основного закона, изменить которые невозможно. В качестве примера можно сослаться, например, на противоречие между частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, закрепляющей примат международного права, с одной стороны, и статьей 79 и частью 5 статьи 125 Конституции Российской Федерации, призванных купировать ее действие, с другой стороны. Между этими сторонами не следует искать сближения, часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации подлежит безоговорочной отмене полностью [50].

Конституцию Российской Федерации 1993 года можно рассматривать как принятую на переходный период, разработанную в условиях нехватки времени и довольно небрежно, имеющую целью служить интересам конкретного лица, занимающего пост Президента Российской Федерации в его противостоянии с постсоветским парламентом. Устранение ставших очевидными дефектов можно было бы оценивать как средство политического очищения системы [51]. Принятие нового Основного закона завершило бы сложную и противоречивую эпоху в политическом развитии России. Кроме того, это помогло бы оставить в истории споры о легитимности Конституции Российской Федерации 1993 года [52].

Считаем, что некритично перенесенные ранее на отечественную почву конституционные ценности не были в должной мере восприняты населением, разошлись с теми социальными нормами, которые исторически существуют в общественном сознании. И если приоритет государственных интересов перед частными заложен в общественном сознании, задача юриспруденции заключается в том, чтобы служить обществу, а не переделывать общество в интересах неких абстрактных конструкций.

Заключение

Некритичное заимствование образцов иностранного законодательства при формировании текста Конституции Российской Федерации 1993 года, дефектность ряда конституционных положений, содержащихся в неподлежащих изменению главах первой, второй и девятой Основного закона, привели к их фактическому противоречию складывающейся практике государственного управления в России. Попытка купировать соответствующее расхождение в

рамках масштабной конституционной реформы 2020 года носила лишь тактический характер. Приблизив текст Конституции Российской Федерации к требованиям практики, она вместе с тем привела к нарушению ее системности.

Список источников

1. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. Москва: Росспен, 2010. 640 с.
2. Авдеев Д. А. Конституционализация юридического мышления граждан как условие обеспечения прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 19–22.
3. Бабурин С. Н. Конституционно-правовое и духовное: русская (российская) нация перед историческим выбором // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 8–13.
4. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3–12. О дефектах в Конституции Российской Федерации 1993 года см. также более раннее произведение: Малько А. А. Конституционно-правовая политика России: понятие и основные направления // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2001. Вып. 2. С. 5–14.
5. Bengoetxea J. Legal institutions and the comparison of legal cultures // Onati Socio-Legal Series. 2022. 12 (6). Pp. 1647–1673.
6. Quiroz Vitale M. A. Criminal Laws and prostitution: The legal experience challenge for the concept of Legal Culture // Onati Socio-Legal Series. 2022. 12 (6). Pp. 1622–1646.
7. Akinci M. The right to good administration under Turkish law: The process of integrating with the legal culture of the council of Europe (Book Chapter) // Good Administration and the Council of Europe: Law, Principles, and Effectiveness. 2020. Pp. 277–300.
8. Aidarbekova G. B., Urmatova A. D., Batyrbaev B. S., Salybekova T. S., Umetov K. A. Legal Policy and Legal Culture in the Field of Unification of Legal Terminology, Reforms in Criminal Proceedings in the Conditions of the Sovereignty of Kyrgyzstan // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. 372. Pp. 325–330.
9. Szilágyi I. H., Kelemen L., Hall S. G. Changing Legal and Civic Culture in an Illiberal Democracy: A Social Psychological Survey of the Hungarian Legal System. London: Routledge, 2021. 125 p.
10. Dragos D. C. The Romanian ombudsman — A legal transplant moulded by the domestic legal culture // Review of European Administrative Law. 2021. No. 14 (1). Pp. 185–206.
11. Petersen H. Biased Reflections on German Legal Cultures — An Essay from Corona Times // German Law Journal. 2022. No. 23 (4). Pp. 532–558.

12. Авакьян С. А. Конституция России: сложный юбилей // Российская Федерация сегодня. 2003. № 22. С. 10–12.
13. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: указ Президента от 21 сентября 1993 года № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 27 сентября 1993 года. № 39, ст. 3597.
14. Cooke E. The Working Culture of Legal Aid Lawyers: Developing a “Shared Orientation Model” // Social and Legal Studies. 2022. No. 31 (5). Pp. 704–724.
15. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. Москва: Рус. яз., 1979. 352 с.
16. Ayvazyan O. O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society // Radovi Zavoda za Znanstvenoistrazivacki i Umjetnicki Rad u Bjelovaru. 2021. No. 15. Pp. 161–170.
17. Iluk Ł. Language And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective // Comparative Legilinguistics. 2021. No. 46 (1). Pp. 91–109.
18. Matulewska A., Wagner A. Third Space of Legal Translation: Between Protean Meanings, Legal Cultures and Communication Stratification // International Journal for the Semiotics of Law. 2021. 34 (5). Pp. 1245–1260.
19. Alwazna Rafat Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for translation // International Journal of Legal Discourse. 2017. No. 2 (2). Pp. 225–241. URL: <https://doi.org/10.1515/ijld-2017-0013>.
20. Zoltán S. Constitutional identity as a normative constitutional concept // Hungarian Journal of Legal Studies. 2022. No. 63 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/2052.2022.00390>.
21. Marissal A. Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study // Droit et Societe. 2020. No. 105 (2). Pp. 343–359.
22. Авакьян С. А. Государство: взгляд с позиций конституционного права // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2 (54). С. 52–61.
23. Миннихахметова К. И. К вопросу об имплементации норм международного права в российское законодательство // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 1 (35). С. 97–102.
24. Рыхтикова Л. Ю. Конституционно-правовые основы имплементации норм международного права в Российской Федерации: монография. Москва: Грааль, 2004. 88 с.
25. Семенов Б. С. Проблемы имплементации норм международного права в правовую систему Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 220–224.
26. Бирюков П. Н. Международное право. Москва: Юрайт, 2011. 793 с.
27. Хижняк В. С. Конституционный механизм взаимодействия национального и международного права // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. С. 35–37.
28. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.08.2023).
29. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 года. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 26.08.2023).
30. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и № 15162/05) (Первая секция). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70539826/?ysclid=lltiyh03194500577> (дата обращения: 26.08.2023).
31. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/?ysclid=lltiw3cj45993221523 (дата обращения: 26.08.2023).
32. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51. Ч. I, ст. 7229.
33. О конституционных поправках: доклад: принят Венецианской комиссией на 81-м пленарном заседании (Венеция, 11–12 декабря 2009 года). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)001-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)001-rus) (дата обращения: 26.08.2023).
34. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.
35. Джагарян А. А. Исправленному верить? Субъективные заметки в связи с Заключением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1–3 // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 9–17. DOI 10.18572/1812-3767-2020-8-9-17.
36. Алексеев С. С. Философия права. Москва: Норма, 1997. 336 с.

37. Авакьян С. А. Практика российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 1. С. 44–54.

38. Авакьян С. А. Стабильность Конституции и конституционные реформы: некоторые вопросы теории и практики // Конституция — основа демократического развития государства: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Республики Казахстан (27–28 августа 2010 года). Астана, 2010. С. 81–87.

39. Боброва Н. А., Хачатуров Р. Л. Формирование и развитие отраслей прав в исторической и современной правовой реальности России. в 12 т. Т. VI. Конституционное право России. Москва: Юрлитформ, 2021. 560 с.

40. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

41. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. Москва: Госполитиздат, 1940. 674 с.

42. Новейший политологический словарь / авт.-составители Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Дону: Феникс, 2010. 318 с.

43. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.

44. Злобин А. Goldman Sachs отказался готовить IPO компаний без женщин или геев в руководстве. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/391843-goldman-sachs-otkazalsya-gotovit-ipo-kompaniy-bez-zhenshchin-ili-geev-v?ysclid=llryqz71ao364482834> (дата обращения: 26.08.2023).

45. Mantovan C. Antigypsyism, legal culture and sentencing in Italy: A dialogue between sociology of law and critical Romani studies // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12 (6). Pp. 1518–1546.

46. Ansolabehere K. M., Botero S., Ocantos E. G. Conceptualizing and Measuring Legal Culture: Evidence from a Survey of Mexican Federal Judges Conceptualizar y medir la cultura legal // *Política y Gobierno*. 2022. No. 29 (2).

47. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 11, ст. 1416.

48. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // *Собрание законодательства РФ*. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

49. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // *Собрание законодательства РФ*, 2022. № 46, ст. 7977.

50. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // *Государство и право*. 2022. № 1. С. 7–18.

51. Авакьян С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // *Журнал российского права*. 2003. № 11. С. 43–54.

52. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 9. С. 2–9.

References

1. Medushevsky A. N. Constitutional projects in Russia of the XVIII — early XX century. Moscow: Rosspen Publ., 2010. 640 p. (In Russ.)

2. Avdeev D. A. Constitutionalization of legal thinking of citizens as a condition for ensuring human rights. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 3, pp. 19–22. (In Russ.)

3. Baburin S. N. Constitutional-legal and spiritual: the Russian (Russian) nation before a historical choice. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 8–13. (In Russ.)

4. Avakian S. A. Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them. *Constitutional and municipal law*, 2007, no. 8, pp. 3–12. (In Russ.)

5. Bengoetxea J. Legal institutions and the comparison of legal cultures. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1647–1673.

6. Quiroz Vitale M. A. Criminal Laws and prostitution: The legal experience challenge for the concept of Legal Culture. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1622–1646.

7. Akinci M. The right to good administration under Turkish law: The process of integrating with the legal culture of the council of Europe (Book Chapter). *Good Administration and the Council of Europe: Law, Principles, and Effectiveness*, 2020, pp. 277–300.

8. Aidarbekova G. B., Umatova A. D., Batyrbaev B. S., Salybekova T. S., Umetov K. A. Legal Policy and Legal Culture in the Field of Unification of Legal Terminology, Reforms in Criminal Proceedings in the Conditions of the Sovereignty of Kyrgyzstan. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, no. 372, pp. 325–330.

9. Szilágyi I. H., Kelemen L., Hall S. G. Changing Legal and Civic Culture in an Illiberal Democracy: A Social Psychological Survey of the Hungarian Legal System. London: Routledge Publ., 2021. 125 p.

10. Dragos D. C. The Romanian ombudsman — A legal transplant moulded by the domestic legal culture. *Review of European Administrative Law*, 2021, no. 14 (1), pp. 185–206.

11. Petersen H. Biased Reflections on German Legal Cultures — An Essay from Corona Times. *German Law Journal*, 2022, no. 23 (4), pp. 532–558.

12. Avakian S. A. Constitution of Russia: a difficult anniversary. *The Russian Federation today*, 2003, no. 22, pp. 10–12. (In Russ.)

13. On phased constitutional reform in the Russian Federation: presidential decree no. 1400 of September 21, 1993. *Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation*, 1993, no. 39, art. 3597. (In Russ.)
14. Cooke E. The Working Culture of Legal Aid Lawyers: Developing a "Shared Orientation Model". *Social and Legal Studies*, 2022, no. 31 (5), pp. 704–724.
15. Lokshina S. M. A concise dictionary of foreign words. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1979. 352 p. (In Russ.)
16. Ayvazyan O. O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society. *Radovi Zavoda za Znanstvenoistraživački i Umjetnički Rad u Bjelovaru*, 2021, no 15, pp. 161–170.
17. Iluk Ł. Language And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective. *Comparative Legilinguistics*, 2021, no. 46 (1), pp. 91–109.
18. Matulewska A., Wagner A. Third Space of Legal Translation: Between Protean Meanings, Legal Cultures and Communication Stratification. *International Journal for the Semiotics of Law*, 2021, no. 34 (5), pp. 1245–1260.
19. Alwazna Rafat Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for translation. *International Journal of Legal Discourse*, 2017, no. 2 (2), pp. 225–241. URL: <https://doi.org/10.1515/ijld-2017-0013>.
20. Zoltán S. Constitutional identity as a normative constitutional concept. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 2022, no. 63 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/2052.2022.00390>.
21. Marissal A. Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study. *Droit et Societe*, 2020, no. 105 (2), pp. 343–359.
22. Avakian S. A. The State: a view from the standpoint of constitutional law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 2 (54), pp. 52–61. (In Russ.)
23. Minniakhmetova K. I. On the question of the implementation of the norms of international law in Russian legislation. *The rule of law: theory and practice*, 2014, no. 1 (35), pp. 97–102. (In Russ.)
24. Rykhtikova L. Yu. Constitutional and legal foundations of the implementation of the norms of international law in the Russian Federation: Monograph. Moscow: Grail Publ., 2004. 88 p. (In Russ.)
25. Semenov B. S. Problems of implementation of norms of international law in the legal system of Mongolia. *Bulletin of the Buryat State University*, 2011, no. 2, pp. 220–224. (In Russ.)
26. Biryukov P. N. International Law. Moscow: Yurayt Publ., 2011. 793 p. (In Russ.)
27. Khizhnyak V. S. Constitutional mechanism of interaction of national and international law. *Constitutional and municipal law*, 2004, no. 4, pp. 35–37. (In Russ.)
28. Vienna Convention on the Law of Treaties of May 23, 1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
29. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, November 4, 1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
30. Judgment of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in case "Anchugov and Gladkov (Anchugov and Gladkov) against the Russian Federation" (complaint no. 11157/04 and no. 15162/05) (First Section). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70539826/?ysclid=lltiyh03194500577> (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
31. On the case of checking the constitutionality of the provisions of article 1 of the federal law "On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and fundamental freedoms and protocols thereto", paragraphs 1 and 2 of article 32 of the federal law "On International treaties of the Russian Federation", parts one and four of article 11, paragraph 4 of part four of article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 13, paragraph 4 of part 3 of article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, paragraph 4 of part 1 of article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of July 14, 2015. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/?ysclid=lltiw3cj45993221523 (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
32. On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": federal constitutional law no. 7-FKZ of December 14, 2015. *Collection of legislative acts of the RF*, 2015, no. 51, part I, art. 7229. (In Russ.)
33. The report "On Constitutional Amendments" was adopted by the Venice Commission at the 81st plenary meeting (Venice, December 11–12, 2009). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)001-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)001-rus) (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
34. Zorkin V. D. Letter and spirit of the Constitution. *Rossiyskaya Gazeta*, 2018, October 9. (In Russ.)
35. Dzhangaryan A. A. To believe the corrected? Subjective notes in connection with the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1-Z of March 16, 2020. *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 8, pp. 9–17. DOI 10.18572/1812-3767-2020-8-9-17. (In Russ.)
36. Alekseev S. S. Philosophy of Law. Moscow: Norm Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)
37. Avakian S. A. Practice of Russian statehood. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 1997, no. 1, pp. 44–54. (In Russ.)

38. Avakyan S. A. Stability of the Constitution and constitutional reforms: some questions of theory and practice. *Constitution — the basis of democratic development of the state: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan*, August 27–28, 2010. Astana, 2010. Pp. 81–87. (In Russ.)
39. Bobrova N. A., Khachaturov R. L. Formation and development of branches of rights in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vol. Vol. VI. Constitutional Law of Russia. Moscow: YurLitiform Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
40. Kuznetsov S. A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)
41. Political Dictionary / ed. by G. Alexandrov, V. Galyanov, N. Rubinstein Moscow: Gospolitizdat Publ., 1940. 674 p. (In Russ.)
42. The newest political dictionary/ author-comp. D. E. Pogorely, V. Y. Fesenko, K. V. Filippov. Rostov n/A: Phoenix Publ., 2010. 318 p. (In Russ.)
43. Kleandrov M. I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in it (Ending). *State and Law*, 2022, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)
44. Zlobin A. Goldman Sachs refused to prepare IPOs of companies without women or gays in the management. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/391843-goldman-sachs-otkazalsya-gotovit-ipo-kompaniy-bez-zhenshchin-ili-geev-v?ysclid=llryqz71ao364482834> (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
45. Mantovan C. Antigypsyism, legal culture and sentencing in Italy: A dialogue between sociology of law and critical Romani studies. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1518–1546.
46. Ansolabehere K. M., Botero S., Ocantos E. G. Conceptualizing and Measuring Legal Culture: Evidence from a Survey of Mexican Federal Judges Conceptualizing y medir la cultura legal. *Política y Gobierno*, 2022, no. 29 (2).
47. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation no. 1-FKZ of March 14, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)
48. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part II, art. 5351. (In Russ.)
49. On approval of the Fundamentals of State Policy on conservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)
50. Kleandrov M. I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain. *State and Law*, 2022, no. 1, pp. 7–18. (In Russ.)
51. Avakian S. A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 11, pp. 43–54. (In Russ.)
52. Avakian S. A. Is constitutional reform necessary in Russia. *Constitutional and municipal law*, 2012, no. 9, pp. 2–9. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. А. Липинский — доктор юридических наук, профессор;
А. В. Малько — доктор юридических наук, профессор;
А. А. Иванов — кандидат юридических наук;
Р. С. Маркунин — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Lipinsky — Doctor of Sciences (Law), Professor;
A. V. Malko — Doctor of Sciences (Law), Professor;
A. A. Ivanov — Candidate of Sciences (Law);
R. S. Markunin — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.